

Марина
МИХАЙЛОВНА
ФРОЛОВА
кандидат
исторических наук,
старший научный
сотрудник Института
славяноведения
Российской Академии
наук

УДК 94: 323.11. (=18:=163)
“18“

АЛБАНСКОЕ И
СЛАВЯНСКОЕ
НАСЕЛЕНИЕ
ОХРИДСКОГО
КАЙМАКАМЛЫКА
ПО ДОНЕСЕНИЯМ
РОССИЙСКИХ
ДИПЛОМАТОВ
(60-Е ГОДЫ XIX В.)¹

XIX век – «век национальностей», когда пробуждение и рост национального самосознания народов, входивших в многонациональные государства, выливались в борьбу за свое самостоятельное национальное государство. Этот процесс, имевший место в Европе, получил свое развитие и в Османской империи, преодолевшей время кырджалийства² и вступившей в эпоху Танзимата – военных, правовых и административных реформ, целью которых

¹ Редакцијата на списанието „Историја“ одлучи приложениот материјал, поради обемот, да биде објавен во два дела, и тоа првиот дел во овој број, а другиот да биде вклучен во следниот број.

² Вреќа кырджалийства – во конце XVIII и начале XIX вв., во свјазу со кризисом воено-ленной и свјазанной со неј административной системы Османской империи, территория Восточной Румелии погрузилась практически во феодальную анархию и во хаос массового бандитизма.

было «создание мощной централизованной государственной машины».³ Но если Порта смогла совладать с сепаратизмом и амбициями провинциальных аянов, открытый вызов которых «не нес с собой угрозы имперской системе, базировавшейся на господстве центра над периферией»,⁴ то ей было не суждено справиться с национальными движениями на Балканах, которые с помощью военной мощи России и при дипломатическом вмешательстве стран Западной Европы привели к почти полному уничтожению в Европе ее многовекового владычества.

Отстаивая свою независимость, славянские народы Балкан искали поддержки, в первую очередь, у России, где, несмотря на поражение в Крымской войне, было широко распространено мнение о неизбежности распада и гибели Турции⁵ и о мессианской роли России в освобождении единоплеменных и единоверных славян от турецкого ига. В период после Парижского мира 1856 г. и до русско-турецкой войны 1877-1878 гг. политическая составляющая в общем наборе задач, которые приходилось решать российским консулам на Балканах, выдвигалась на главные позиции. Министерство иностранных дел России для упрочения ее авторитета в Османской империи и для получения «верных и полных» сведений о ней «в политическом и религиозном отношениях» пошло на увеличение сети своих дипломатических представительств в Европейской Турции.

В 1861 г. было открыто императорское российское консульство и в городе Битоле (Монастире), административном центре Румелийского или Битольского эялета. В Битоле располагалась Главная квартира Военного командования Румелии, или III-го военного округа согласно закону о военной реформе 1843 г., по которому Османская империя была разделена на 6 округов, и в каждом из них был армейский корпус.⁶ В Битоле были учреждены дипломатические представительства Австрии, Англии, Греции.

Русские дипломаты внимательно изучали этот регион, принадлежавший к наиболее смешанным в этническом отношении

³ Ортайлы И., «Период Танзимата и последующее административное устройство». *История Османского государства, общества и цивилизации*. (Т. 1. Москва, 2006), 238.

⁴ Мейер М.С. «Кризис османских имперских порядков: меняющиеся отношения центра и периферии в XVIII в.». *Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура*. (Москва, 1990), 78.

⁵ Никитин С.А. «Крымская война». *Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина*. (Москва, 2013), 199.

⁶ Запорожец В.М. *Развитие военной организации Османского государства в XVIII-XIX вв.* (Москва, 1989), 19.

районам Балканского полуострова.⁷ В поле зрения российских консулов находились не только славяне, но и албанцы, которые среди народов Балканского полуострова одними из последних вступили на путь создания общеалбанского национального движения и своего национального государства.

Последняя четверть XIX в. – начало XX в. – это период, насыщенный яркими и драматическими событиями, деятельностью незаурядных личностей, поэтому он всегда привлекал исследовательский интерес историков-балканистов, в отличие от предыдущего двадцатилетия, менее «выразительного» и менее обеспеченного опубликованными источниками, которое поэтому оказалось слабее изученным. Донесения русских консулов из Битола, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, записка М.А. Хитрово о его путешествии летом 1864 г. в Дебарский санджак (округ), содержат уникальные, на наш взгляд, сведения об албанцах, проживавших на территории отдельного Охридского каймакамыка, который входил в состав Румелийского эялета и находился под управлением особого паши, каймакама, подчиненного румелийскому вали (или битольскому генерал-губернатору). Документы из АВПРИ, дополненные опубликованными донесениями австрийских вице-консулов, которые в принципе достаточно скупо освещали албанские события, позволяют более детально восстановить историю албанцев этого региона. Формат статьи не позволяет охватить целиком указанное двадцатилетие. Нижней границей настоящего исследования нами избран 1866 год, когда вспыхнуло Критское восстание, несколько изменившее политику Порты по отношению к албанскому населению.

Первым русским дипломатом в Битоле стал Михаил Александрович Хитрово (1837-1896), правнук фельдмаршала М.И. Кутузова. Он прибыл в Битолу в марте 1861 г., когда в разгаре было новое восстание в Герцеговине во главе с Л. Вукаловичем, поддержанное Черногорией. В феврале следующего года борьба герцеговинцев и черногорцев против турок возобновилась, и весной 1862 г. 50-тысячное войско Омер-паши Латаса вошло на территорию Черногории.

Город Битола являлся центром, где шло формирование турецких войск, куда поступали военное снаряжение и боеприпасы и откуда затем они направлялись в Герцеговину и Черногорию. Несмотря на повышенную секретность, Хитрово все-таки удавалось

⁷ Струкова К.Л. *Общественно-политическое развитие Македонии в 50-70-е гг. XIX века.* (Москва, 2004), 25.

добывать сведения. Он старался оперативно передавать информацию о составе, движении и расположении турецких войск, об их оснащённости и вооружении, что должно было помочь восставшим герцеговинцам и черногорцам. Хитрово писал: «Громадны приготовления турок – содрогаешься за участь Черногории и Герцеговины».⁸ Кроме того, русский консул собирал данные о возможных в регионе восстаниях против Османской империи, которые могли бы, по его мнению, несколько отвлечь внимание турок от Черногории. Предположения МИД России, что «нити замышляемых южными славянами движений сходятся, быть может, в Битоле»,⁹ не оправдались. Хитрово убедился, что «христианское народонаселение с давних пор привыкло к двойному игу турецкого самоволия и фанариотского корыстолюбия и далеко не приготовлено еще ни к какому движению».¹⁰ «Скорее можно ожидать чего-нибудь в Фессалии и Эпире, где, по-видимому, издавна что-то готовится под тайным греческим покровительством»,¹¹ – полагал русский консул. Турецкие власти в Битоле также опасались восстания в этом районе, откуда поступали «беспокойные вести» и куда были посланы дополнительные военные силы.

Готовность восстать жителей Дебара,¹² Эльбасана и «вообще всей Средней¹³ Албании» русский консул подтвердить не мог, поскольку в этих отдаленных районах он еще не был, хотя и оттуда приходили подобные слухи. Но мусульмане Охридского каймакамлыка, в который входили Дебарский округ вместе с Матским округом и казами (уездами) – Охридским, Старовским и Эльбасанским, были источником для пополнения турецкой армии и для набора иррегулярных подразделений – башибузуков. Объявленная Портой война с Черногорией потребовала сбора редифов¹⁴. Хитрово отмечал в донесении от 14 февраля 1862 г., что в Стамбуле надеялись «на числящихся по спискам редифов, но эта сила только на бумаге»,

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1423. Л. 83.

⁹ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.

¹⁰ Там же. Л. 50.

¹¹ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 34.

¹² Де́бар (макед. Дебар, болг. Дебър, алб. Dibra, тур. Debre,) – город в западной части Македонии. В донесениях Хитрово – Дибра.

¹³ Средняя Албания – т.е. Центральная Албания.

¹⁴ Армия Османской империи во второй половине XIX в. делилась на действующую (низам) и резервную (редиф). Путем рекрутской повинности набирались солдаты из мусульманского населения в возрасте 20-25 лет. Срок службы – 12 лет, 5 лет в действующей армии и 7 лет в резерве.

поскольку сбор редифов на местах «встречал огромные затруднения».¹⁵ Русский консул считал, что турецкое правительство не должно рассчитывать и на добровольных башибузуков, – «вряд ли найдутся охотники».¹⁶ Подобная уверенность Хитрово основывалась на информации о том, что Порта не заплатила албанцам ни пиастра за участие в Крымской войне, и они помнили этот обман. Кроме того, в 1858 г. дебаряне выставили 3 тыс. башибузуков против Черногории, и ни один из них не вернулся, и это они «не могут забыть до сих пор». Дебаряне поэтому «вовсе отказывались от всякой службы».¹⁷

Однако в Эльбасане, Тиране и Мате уже в феврале 1862 г. удалось собрать до 1000 башибузуков, которые были отправлены в Герцеговину. По дороге они «совершенно безнаказанно предавались всевозможным буйствам», с христианских сел близ Дечанского монастыря собрали по 50 пиастров с каждого двора. А сам монастырь заплатил им 800 пиастров.¹⁸

Временные неудачи (поражение турецких войск и потери в 300 солдат низама и 500 башибузуков, взятых в плен вместе с их начальником Ходо-беем¹⁹), приготовления Омер-паши к нанесению решительного удара черногорцам и его требования подкреплений, провианта и денег²⁰ заставили военный меджлис в Битоле отправить влиятельного Халиль-бея, первого члена кебир-меджлиса (областного совета), с 100 тыс. пиастров в Охрид, Дебар и Мат, чтобы «уговорить дебарян выставить башибузуков» и как можно скорее отправиться к черногорской границе. Хитрово писал в донесении от 22 марта 1862 г., что успех набора будет зависеть от содействия Хасан-бея, влиятельнейшего бея в Дебаре.²¹

¹⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 38.

¹⁶ Там же. Л. 14 об.

¹⁷ Там же. Л. 73 об.

¹⁸ Там же. Л. 55.

¹⁹ В донесениях Хитрово имя начальника башибузуков было дано так. Но в сообщении австрийского вице-консула Заксла это имя звучало иначе. Заксл писал, что 28 марта 1862 г. в Битолу по телеграфу пришло известие о том, что между Подгорицей и озером со стороны Шкодры черногорцы напали на 1200 башибузуков под командованием Хасана (Хофта) из Шкодры, часть была убита, а часть вместе с их командиром была взята в плен. Эта новость потрясла османское население Битолы. (См.: *Македония през погледа на австријски консули. 1851-1877/78*. София, 1994, том 1, № 74, с. 206.)

²⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 73.

²¹ Там же. Л. 73 об.

Халиль-бею удалось добиться согласия только 4 байрактаров²² Хасан-бея, Сали-Марко, Сали-бея и Сали-Демира, при этом каждый обязался выставить по 1 тыс. башибузуков. Дебаряне взяли 100 тыс. пиастров наличными в качестве задатка, но отказались от 200 тыс. пиастров сенедами (векселями), потребовав наличные деньги, до получения которых не соглашались выступить в поход. 9 апреля 1862 г. им было выслано еще 150 тыс. пиастров.

Хитрово писал об искусно проводимой турецкими властями кампании по усилению религиозных чувств мусульман. «Все от самых мелочей – от облачения турецкой армии в национальное (турецкое, но заказанное в Вене и Париже) платье до более-менее серьезных – [было направлено на то, чтобы] возбудить мусульманский фанатизм». Башибузукам обещали войну с Черногорией и с Сербией. Их уверяли, что завоеванные земли будут отданы им на разграбление, что они найдут несметные богатства в христианских храмах и монастырях. Дебарские башибузуки хвастали перед христианами, что «наделают себе стремена из золота сербских монастырей». В этом месте на секретном донесении Хитрово от 31 мая 1862 г., отосланном в российскую миссию в Константинополе,²³ была сделана помета «NB».²⁴

В конце апреля–начале мая 1862 г. из Дебара кроме 6 тыс. башибузуков, набранных по найму, еще около 600 волонтеров, которым выдавались только ежедневная порция хлеба и необходимые боеприпасы, двинулись к черногорской границе. Тот же энтузиазм наблюдался и в некоторых местностях Призренского санджака, где было завербовано до 15 тыс. башибузуков, которые были направлены к сербской границе. Из Эльбасана и Центральной Албании было набрано до 4 тыс. человек. Генерал-губернатор Салоник Хюсни-паша с большими почестями провожал добровольцев, записавшихся в башибузуки (около 150 чел.). В Тоскалыке Карафиль-бею было поручено собрать более 1 тыс. чел. Согласно слухам, которые доходили в Битолу, «будто бы некоторые албанские беи вызвались

²² Байрактары – (алб., ед.ч. – bajraktar, от тур. bayraktar, букв. – знаменосец, младший командный чин в янычарском корпусе) – местные военачальники в Северной Албании (с конца XVII в. по 1944 г.). В конце XVII – начале XX вв. байрактары возглавляли байраки, военно-территориальные единицы, созданные турецким правительством в горных районах Северной Албании. Они пользовались административной и судебной властью, передававшейся по наследству.

²³ В официальной документации МИД России столица Османской империи Стамбул называлась Константинополем.

²⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 84 и об.

вооружить на свой счет против Черногории до 5 тыс. человек»,²⁵ – сообщал Хитрово. «Цифра действительно огромная»,²⁶ – не мог не согласиться и австрийский вице-консул Заксл.

В самой же Битоле «на второй день байрама делал (крикальщик)» призывал мусульман записываться в башибузуки для отправки в Черногорию. Им обещали платить по 80 пиастров (4 руб. серебром) жалованья в месяц и выдать хлеб. Записалось до 70 человек, хотя требовалось 500 человек. Они «начали сразу буйствовать, и вчера избили и опозорили одного молодого христианина»,²⁷ – сообщал русский консул.

Знаменитый в регионе разбойник Фета-джака и другие главари также изъявили намерение вступить со своими шайками в ряды башибузуков. Турецкая администрация вместо того, чтобы взыскать с них за прежние преступления и за то вооруженное сопротивление, которое они еще в 1861 г. оказывали властям, напротив, встретила их «со знаками какого-то преувеличенного уважения». «Теперь здесь будет меньше разбоя, т.к. они отправлены в Черногорию»,²⁸ – констатировал Хитрово.

Впрочем, из донесения Заксла австрийскому консулу в Салониках барону фон Бауму от 18 (30) апреля 1862 г. явствует, что многие жители Призренского санджака, числившиеся в официальных турецких регистрах (хуфусах) как мусульмане, объявляли себя католиками, когда их призывали на военную службу. С просьбой посодействовать в освобождении от военной службы своих прихожан обратился к Закслу католический епископ из Скопье Богданович. Но военные инстанции Битолы не вняли ходатайствам ни австрийского вице-консула, ни английского консула Кальверта. Посланный Богдановичем священник дон Пало Бериша отправился в Стамбул через Салоники, чтобы в столице империи заступиться за прозелитов перед Портой с помощью дипломатических представителей великих держав и предотвратить на будущее подобные инциденты.²⁹

Но в Дебаре жили не только мусульмане. Согласно информации монаха из Кичевского монастыря во имя Успения Пресвятой Богородицы, известия с черногорского театра военных действий возбуждали глубокое сочувствие у христианского населения.

²⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 87.

²⁶ *Македония през погледа на австрийски консули. 1851-1877/78.* (Т. 1. София, 1994), № 83, с. 218.

²⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 85.

²⁸ Там же. Л. 83.

²⁹ *Македония през погледа...* № 80. С. 213.

Дебарские христиане постоянно жили в совсем иных условиях, чем райи Битольского санджака, поскольку они никогда не расставались с оружием. Хитрово полагал (донесение от 10 мая 1862 г.), что «если только начнутся здесь серьезные волнения, они найдут сильнейшую поддержку в дебарском христианском народонаселении».³⁰

Но Омер-паша разбил черногорцев. 3 (15) июля 1862 г. из Битолы в Черногорию был срочно отправлен военный оркестр, чтобы турецкие войска вошли в столицу Цетинье «с победоносной музыкой».³¹ От полного разгрома княжество спасли дипломатические демарши Австрии и России.

Из Черногории башибузуки возвращались с богатой добычей. Хитрово доносил о том, что в Битолу поступили сведения, что башибузуки пожертвовали в джамии города Дьякова взятые из церкви в Васоевичах серебряные подсвечники весом в 12 ок.³²

Обострение сербско-турецких отношений в связи с активной политикой правительства нового сербского князя Михаила Обреновича (1860–1868), которое привело к открытому конфликту и бомбардировке Белграда 5 (17) июня 1862 г., а также предположение, что Сербия готова поддержать Черногорию в ее борьбе против Турции, заставляли Порту сосредотачивать свои войска у сербской границы. По сведениям Хитрово, в конце июля со стороны Приштины на сербской границе было сконцентрировано 4 батальона низама и башибузуки (из Призрена – 2 тыс. чел., из Тетова – 3 тыс. чел., из Скопье – 2 тыс. чел., из Куманова и Истиба – 1 тыс., а всего – 8 тыс. чел.). Башибузуками командовал Фета-бей, один из влиятельных призренских беев.

Кроме того, еще 6 тыс. мусульман, записавшихся в башибузуки (в Призрене – 3 тыс. чел., Тетове – 1500 чел., Скопье – 1500 чел.), ожидали «только приказа, чтобы двинуться к сербской границе». Хитрово подчеркивал то воодушевление, с которым башибузуки из Албании шли против Сербии, рассчитывая на добычу: «плачка³³ есть всегда главная цель албанцев». Русский консул отмечал, что албанцы надеялись на то, что Сербия им «достанется на разграбление» без больших усилий, поскольку они помнили Сербию – «прежнюю, дурно вооруженную, дерущуюся такими же нестройными массами, как и они, и с одинаковыми средствами. Но против организованной армии и, в особенности, артиллерии они окажутся,

³⁰ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 326 об.

³¹ *Македония през погледа...* № 89. С. 229.

³² Окка, ока – турецкая мера веса, равная 1,225 кг.

³³ Плачка – грабеж (сербск.).

вероятно, совсем бессильны. Можно почти утвердительно предсказывать, что первая неудача отобьет совсем охоту у башибузуков. Тогда они будут также поспешно дезертировать, как теперь они спешат к оружию»,³⁴ – писал Хитрово. Впрочем, не все районы Албании «с одинаковой готовностью» выставляли свои военные контингенты. Весь Тоскалык оставался «довольно холоден на призыв правительства». Дьяково не набрал башибузуков против Сербии: здесь выдвигалось условие, чтобы контингент из Дьяково, если таковой и будет собран, находился бы под командой своего местного начальника.

В начале июля 1862 г. из Стамбула в Битола пришел приказ собрать новобранцев 1862 г., из которых 11000 человек были назначены в армейский корпус в Румелии. Однако специалисты, как докладывал Заксл, считали невозможным набрать и это небольшое количество, так как семей с четырьмя военнообязанными мужчинами было очень мало. Как правило, в мусульманской семье один мужчина служил в действующей армии, второй состоял в резерве, третий – в иррегулярном войске, а четвертого по турецким законам нельзя было мобилизовать, поскольку тогда семья оставалась без мужской поддержки, т.е. без кормильца. Родные тех молодых людей, которые подлежали призыву, сообщали, что они уже служат в иррегулярных войсках. Проверить военной комиссии верность подобных заявлений было сложно. Таким образом, несмотря на то, что в Черногории было всего несколько тысяч башибузуков, многие молодые люди использовали возможность, чтобы под этим предлогом уклониться от службы.³⁵

11 (23) июля 1862 г. в местечке Канлиджа близ Стамбула открылась специальная конференция представителей держав-гарантов Парижского мира и Турции, на которой рассматривался сербский вопрос. Текст протокола мирного урегулирования сербо-турецкого конфликта был подписан 21 августа (2 сентября) 1862 г.³⁶

Однако, несмотря на дипломатическое вмешательство великих держав и начавшуюся конференцию, военный меджлис Румелии продолжал наращивать турецкие силы у границ с Сербией. Призрен со своей крепостью, согласно сведениям Хитрово, сообщенным в донесении от 23 августа 1862 г., стал «местом временного депо для приходящих из Битолы и Салоник транспортов с военными припасами, которые уже отсюда рассылаются в Сеницу,

³⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 130.

³⁵ *Македония през погледа...* № 87. С. 225.

³⁶ *Международные отношения на Балканах. 1856-1878 гг.* (Москва, 1986), 167.

Пристину и Ниш». Донесение австрийского вице-консула Заксла от 27 июля (7 августа) 1862 г. раскрывает напряженную ситуацию в пограничных с Боснией, Сербией и Болгарией районах Османской империи, где и мусульмане, и христиане вооружались: первые, чтобы быть готовыми напасть на Сербию, вторые – быть готовыми ко всяким великим переменам, а, в общем и целом, среди населения рос страх от больших беспорядков.³⁷

Мир Порты с Черногорией и мирный договор с Сербией были встречены неоднозначно в Битольском эялете. Хитрово отмечал, что на жителей региона огромное впечатление произвела победа Турции в войне с Черногорией в 1862 г. Христиане, которые после ожидаемых надежд с окончанием войны с Черногорией, пали духом, хотя и сохраняли убеждение, что «нынешний черногорский мир есть только временное последствие необходимости и что военные действия возобновятся в самом непродолжительном времени». Сербские дела, «оставшиеся без результатов», произвели «глубокое неудовольствие в среде христианского населения, но и здесь христиане видят одно временное отлагательство событий, которые по всеобщему убеждению рано или поздно неминуемы».³⁸

Интересны наблюдения Хитрово относительно настроений мусульман. Известия о заключении мира с Черногорией турки «встретили далеко не радостно. Самые фанатичные из них жалуются на ничтожные выгоды этого мира для турок и на бесполезность всей пролитой до сих пор крови»,³⁹ – сообщал русский консул 28 сентября 1862 г. Особенно сильное недовольство проявляли албанцы. Правительство так и не заплатило многим из тех, кто принял участие в войне. Кроме того, распространился слух, что Стамбул «по окончании черногорской войны и устройства сербских дел, намерен приступить к введению Танзимата во всех местностях Арнаутлука⁴⁰ и вообще сравнения всей Албании в правах с другими провинциями империи». Этот слух о проведении реформ, в результате которых горцы должны были подчиниться центральной власти, породил среди них «самый недружелюбный ропот». По мнению Хитрово, жители Албании никогда не примут реформы Порты добровольно, «без противодействия открытой силой».⁴¹

³⁷ *Македония през погледа...* № 92. С. 235.

³⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 138.

³⁹ Там же. Л. 138 об.

⁴⁰ Арнаутлук, точнее Арнаутлук (тур.) – другое название Албании.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 139.

Пример тосков, проживавших в казах (уездах) Охридском и Старовском, только укреплял остальных албанцев в их отрицательном отношении к реформам. В этом районе результаты реформаторской деятельности Порты албанцы прочувствовали уже начиная с 1839 г., когда влиятельные албанские беи были отстранены от управления, а на албанцев было накинута ярмо налогов и рекрутской повинности. Назначаемые Портой на ответственные должности мудиров⁴² чиновники часто были молодыми людьми из незнатных семейств. Они обращались с местными беями без всякого уважения, стараясь в глазах народа ронять достоинство местных албанских фамилий. Рекрутская повинность, более чем налоговый гнет, подрывала хозяйство албанцев, поскольку, забирая на службу лучших работников, власти лишали его рабочих рук. Хитрово во время своего путешествия по Охридскому каймакамыку в 1864 г. отмечал крайнюю бедность албанцев: «В христианских селах путешественник еще может надеяться найти необходимое, зато в албанской деревне часто не найдет он даже и куска хлеба, и крынки молока».⁴³ В случае войны почти все албанское мусульманское население должно было покинуть свои поля и дома. После окончания войны уцелевшим воинам приходилось с удвоенной энергией браться за пошатнувшееся в их отсутствие хозяйство. «При таких условиях нельзя удивляться тому, что албанское народонаселение малоспособно к оседлым полевым занятиям, и нельзя слишком строго судить его за склонность к грабежу и насилиям. Эти пороки были ему привиты и условиями жизни, и самой природой. Поневоле единственным ремеслом каждого албанца сделалось его ружье»,⁴⁴ – подводил итог своим наблюдениям русский дипломат.

Из своих бесед с албанцами, прежде всего, с Абдурахман-беем, представителем весьма древней фамилии албанских беев, пользовавшихся значительным влиянием в большом албанском поселении Старово и его окрестностях, Хитрово сделал вывод, что беи и в 1860-х годах не утратили своего влияния на тосков, которые обращались к ним «за судом и наказанием», вместо того, чтобы идти по этим делам к представителям власти. Кроме того, последние сами нередко прибегали к помощи беев, чтобы поддерживать хотя бы относительный порядок в регионе.

В донесениях Хитрово блок сведений и размышлений о последствиях турецко-черногорской войны и позднее продолжал

⁴² Мудир (мюдюр) – в турецком областном управлении название главы нахии, от которого зависят сельские старосты – мухтары – и который сам подчинен каймакаму.

⁴³ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 118 об.

⁴⁴ Там же.

дополняться новыми подробностями. Так, 17 октября 1862 г. он писал о том, что албанцы всегда ненавидели Турцию, «но до сих пор они ее боялись и служили ей с преданностью, думая служить сильнейшему». Война с Черногорией показала им «истинную слабость Турции», так как «изможденное деморализованное турецкое войско возбуждало в них презрение, а черногорцы отчаянною защитою своею с каждым днем вырастали в их понятии». «Подвиги храбрости и удалства имеют огромное значение в глазах этих полудиких воинственных племен, и теперь албанцы отзываются о защитниках Черногории с восторженными похвалами», – подчеркивал Хитрово. Из этой войны они вынесли также осознание важности «своего собственного значения». Албанцы хорошо понимали, что правительство было вынуждено «их ласкать и терпеть вольницу» потому, что оно нуждалось в иррегулярных войсках – башибузуках, «ввиду постоянной опасности», грозившей туркам со стороны Черногории. Уничтожение «черногорской силы» развязывало Стамбулу руки в отношении полунезависимых племен Албании.⁴⁵

Впрочем, Порта понимала опасность общего недовольства албанцев. Хитрово писал в донесении от 5 декабря 1862 г.: «Малейшее волнение в Албании может сделаться сигналом повсеместных восстаний и иметь для Турции самые убийственные последствия. Во всяком случае, ввиду громадных сил, которыми может располагать Албания, ввиду воинственности ее жителей и географического положения (эта страна соприкасается с Черногорией, Грецией и даже Сербией) – это глухое неудовольствие, которое с каждым днем сильнее обнаруживается среди албанского народонаселения, составляет весьма серьезную угрозу для Турции, и никак не может быть упускаемо из виду при оценке настоящего положения Оттоманской империи».⁴⁶

Русский консул обращал внимание руководства Азиатского департамента МИД России на албанцев: «Вообще элемент албанский мне кажется призванным к особой важной роли в будущих событиях Турции и заслуживающим особое внимание».⁴⁷ В донесении от 28 сентября 1862 г. Хитрово просил свое начальство позволить ему отправиться в Эльбасан, Тирану, Дураццо (современный Дуррес) и Дебар, воспользовавшись последними днями осени, так как «с наступлением зимы путешествие по сим местностям сделается несколько затруднительным». По его словам, он имел пока очень

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 152 об.

⁴⁶ Там же. Л. 189.

⁴⁷ Там же. Л. 139.

скудные сведения об этих местностях, входивших в состав Битольского эялета и имевших, как он считал, огромное значение «во всех отношениях». К тому же, в консульстве хранилась значительная сумма денег – пожертвований, предназначенных для самого бедствующего православного населения в Арнаутлуке. Доверенных лиц в этом регионе не было, поэтому Хитрово сам намеревался раздать деньги и заодно исследовать там положение вещей.⁴⁸ Но в 1862 г. командировка не состоялась. Лишь летом 1864 г. Хитрово совершил поездку в Дебарский санджак (округ), посетил города Охрид, Струга и монастыри: Св. Наума близ г. Охрид, Св. Иоанна Предтечи в Дебарском санджаке и во имя Успения Пресвятой Богородицы, более известный под именем «Богородица Пречистая» близ г. Кичево⁴⁹.

Дебарский край был «terra incognita» для МИД России. До Хитрово здесь побывали только два европейца – в 1856 г. Лонгфорт, первый английский консул в Битоле, и осенью 1863 г. фон Хан, австрийский генеральный консул в Сире. Русский путешественник не имел возможности подробнейшим образом изучить этот регион, поскольку он был ограничен во времени и скован жестким маршрутом, который заранее был объявлен битольскому вали. Любая задержка в пути или отклонение от него в связи с незапланированным посещением населенных пунктов могли вызвать сильные подозрения со стороны турецкой администрации Битолы, которая и так относилась к Хитрово с явной враждебностью.⁵⁰

Русского консула, прежде всего, интересовали вопросы этнической и конфессиональной принадлежности населения тех мест, через которые пролегал его путь. Он отмечал, что в ближайших окрестностях православного монастыря Св. Наума было мало христианских сел, «на юг и на запад от монастыря начинается уже совсем сплошная масса арнаутского населения почти вовсе без всякого постороннего элемента, кроме редко, там и сям разбросанных одиноких владшских сел».⁵¹ Самым значительным поселением здесь было албанское село Старово. В этой местности обосновались албанцы-тоски.

⁴⁸ Там же. Л. 142 и об.

⁴⁹ Кичево (также Кичово, до XX в. Кырчово, макед. Кичево, алб. Këqçova, Кырчова) – город в Македонии, административный центр общины Кичево.

⁵⁰ См.: Фролова М.М. ««Дело Стерио Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.)». *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах*. (Москва, 2012), 61-73.

⁵¹ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 117.

Хитрово, приехав на храмовый праздник в монастырь св. Наума, наблюдал значительное стечение народа, причем мусульман было не меньше, чем православных. Он с удивлением отмечал, что мусульмане – албанцы и болгары,⁵² «изменившие вере отцов», сохраняли «веру в чудодействия Святых седмичисленников» – Кирилла и Мефодия и их пяти учеников: Горазда, Климента, Ангелара, Саввы и Наума. В верованиях мусульман время деятельности этих святых было перенесено в эпоху османского владычества, появились легенды, в которых происходили чудеса в отношении того или иного турецкого бея, и в восприятии мусульман они превратились «в полухристианских-полумусульманских святых».⁵³ Особенно сильна была вера в чудодействие Св. Наума, который почитался заступником и целителем умалишенных. В монастырь Св. Наума и христиане, и мусульмане везли для излечения умалишенных со всей Албании и прилегающих окрестностей. Хитрово подчеркивал, что прежние «полунезависимые правители Албании из местной аристократии, помнившие свое христианское происхождение, не только защищали монастырь Св. Наума от всяких насилий, но даже сами поддерживали его своими богатыми пожертвованиями».⁵⁴ Исходя из сделанных наблюдений, русский консул полагал, что мусульмане этого региона, в мировоззрении которых продолжали жить «некоторые воспоминания о прежнем христианстве», должны были неминуемо рано или поздно «возвратиться к оставленной вере отцов».⁵⁵ Но он ошибался.

Исследования ученых показали, что «в каждой религии доктрина богословия и церковный культ, преломляясь через призму народных верований и бытовых традиций, принимали специфические конкретные формы». Так, при распространении на Балканах ислама, который является монотеистической религией, не допускающей преклонения перед кем-либо другим, кроме единого бога Аллаха, произошло приспособление чуждых для него идей и обычаев христианского «языческого синкретического комплекса, который образовался путем продолжительного синтеза славянских и тюркских дохристианских верований с христианскими догмами, идеями, культурами». В «массовом» исламе при ассимиляции «чуждого ему религиозного материала» возникли святыни, общие для язычников и

⁵² Русские дипломаты М.А. Хитрово, Е.М. Тимаев, Н.Ф. Якубовский называли славянское население Румелийского эялета болгарами, австрийские вице-консулы Соретич, Заксл, П. Окули всегда писали о славяно-болгарах.

⁵³ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 114.

⁵⁴ Там же. Л. 114 об.

⁵⁵ Там же. Л. 114.

мусульман.⁵⁶ Кроме того, широкому распространению ислама среди албанцев способствовала бекташийская секта, «в которой система ритуалов и обрядов была ближе к местным верованиям».⁵⁷ Хитрово же полагал, что сохранение среди мусульман Албании христианских культов являлось верным залогом, при благоприятных обстоятельствах, будущих конфессиональных перемен.

В Дебарском и Матском округах преобладало «воинственное» албанское племя гегов. Дебарский округ подразделялся на Горно- и Долно-Дебар. В Горно-Дебаре, а также в пограничной нахии Голема Река, которая относилась к Долно-Дебару, проживало довольно значительное число христиан – до 21 тыс. человек, хотя мусульман насчитывалось до 40 тыс. человек. В Долно-Дебаре христиан было очень мало: на 26 тыс. мусульман приходилось всего 2 тыс. христиан. В Малисии христиан вовсе не было, в Матском округе малочисленные христиане являлись католиками. А всего в Дебарском районе считалось до 23 тыс. христиан. Здесь было 89 христианских и смешанных сел или 2981 дом, причем, в самом Дебаре находилось 160 христианских домов.

Хитрово обращал особое внимание на этнический состав населения. Так, он выяснил, что в Горно-Дебаре христиане и мусульмане были одного славянского происхождения, и «в общем употреблении» у них был болгарский язык, «который сохранил здесь все древние формы церковнославянского наречия».⁵⁸ Влиятельнейшие фамилии дебарских беев, которые проживали в городах, не утратили «еще свои христианские фамильные имена», несмотря на переход в ислам, например, Элио-ага, Салу-Марко и др. Мусульмане Горно-Дебара помнили, что их отцы «от нужды изменили христианству». «В нравах и обычаях» они совершенно сливались «с местным христианским народонаселением». Так, женщины-мусульманки не закрывали своего лица, и по одежде их было невозможно отличить от христианок. Они не вели затворнический образ жизни, выпавший на долю турчанок. Полигамии здесь не было. «Христианин в Горно-Дебаре не является в униженном отношении побежденного к победителям», как в других провинциях Турции. При встрече с

⁵⁶ Желязкова А. «Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV-XVIII вв.» *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы.* (Москва, 1986), 103-104.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 104.

⁵⁸ Сенкевич И.Г. «Новые документы по истории южных славян (Из рукописного наследия М.А. Хитрово)». *Славянский архив. Сборник статей и материалов.* (Москва, 1963), 247.

мусульманином, по свидетельству Хитрово, он относился «к нему как равный к равному».⁵⁹ Дебарские христиане, вырастая среди опасностей и привыкая с ранних лет владеть оружием, «не могли воспитаться в том духе порабощения, которым заражены христиане в других местностях Турции». Даже в женщине «здесь являются необыкновенные черты мужества и смелости». В нахии Голема Река женщины-христианки (албанки) носили «почти мужскую, чрезвычайно красивую одежду и часто ходили вооруженные».⁶⁰

Мусульмане Горно-Дебара не отличались религиозным фанатизмом. Напротив, они праздновали православные праздники наравне с христианами, посещали православные монастыри и храмовые праздники. В 1840-х годах имело место удивительное событие: тогда в большом христианском селе Галичнике «по внушению одного из значительных в то время дебарских христиан», отца полянинского епископа Парфения (1859–1866), воспитанника Московской духовной академии, 20 мусульманских домов «единовременно обратились в христианство». Охридский паша по получении этих новостей отвечал: «Гяурами были, гяурами пусть и останутся».⁶¹ Однако в Османской империи процесс принятия ислама был необратимым: желавших возвратиться в прежнюю конфессию наказывали тюремным заключением. Освобождали только признавших свое заблуждение и остававшихся верными Мухаммеду.⁶² Хитрово был поражен подобным примером толерантности «в деле веры», которую он не встречал в современных ему турецких правителях, несмотря «на так торжественно заявленные правительством принципы веротерпимости». В память о православии своих предков мусульмане Горно-Дебара «мало симпатизируют с албано-католическим миром»,⁶³ – писал русский консул.

Как известно, город в Турции выполнял важную функцию носителя османской цивилизации.⁶⁴ Русский консул отмечал, что город Дебар заметно отурчился благодаря переносу сюда из Охрида резиденции каймакама, и «здешние мусульмане уже выказывают в своих нравах некоторые черты фанатизма, вовсе не свойственные массам албано-мусульманского народонаселения Дебара и

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 128 об.

⁶⁰ Там же. Л. 134 об.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 130.

⁶² Желязкова А. Указ. соч. С. 114.

⁶³ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 128.

⁶⁴ Стайнова М. «Ислам и исламская религиозная пропаганда в Болгарии». *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы*. С. 96.

Малисии»⁶⁵, – констатировал Хитрово. Несмотря на сопротивление жителей, Танзимат здесь начал набирать силу, о чем свидетельствовало то, что мусульманское население «уже более или менее» платило государственные подати «и, хоть и по принуждению, раза два выставляло из своей среды рекрутов».⁶⁶

В Долно-Дебаре христиане и мусульмане принадлежали к албанскому народу, и разговорный язык у них был албанский. Однако поскольку в то время албанский язык не имел своей письменности, то богослужение в православных храмах (а почти все дебарские христиане исповедовали православную веру) совершалось по-славянски. Все мужчины-христиане из Долно-Дебара знали болгарский язык, «лишь одни женщины и дети, и те только местами»,⁶⁷ говорили исключительно по-албански. Таким образом, по замечанию Хитрово, здешние албанцы-христиане «совершенно подчинились славянскому влиянию». Мусульмане, которые «когда-то были православными», по его наблюдению, продолжали придерживаться некоторых православных верований и обычаев.

В Долно-Дебаре практически не было больших сел, албанцы жили «разбросанно в маленьких деревеньках», состоявших большей частью из членов одной фамилии. «Такие деревни сами по себе или в совокупности с другими составляли *фис*, т.е. роды, находившиеся под управлением *фисовых старшин*».⁶⁸ Фисовые старшины пользовались огромным влиянием: к ним обращались по семейным, имущественным, гражданским и уголовным делам. В этом крае существовала «наследственная» кровная месть, которая длилась подчас 100 и более лет. Ислам, как подчеркивал Хитрово, был принят албанцами Долно-Дебара сравнительно недавно – 100 или 120 лет назад – «из временных выгод» и «лишь по наружности».⁶⁹ Прежде они исповедовали римско-католическую веру. По свидетельству русского дипломата, они «остались народом полудиким, более приверженным своим древним наследственным нравам, чем какой бы то ни было религии». В мусульманах Долно-Дебара не проявлялся религиозный фанатизм. Укреплялись в исламе лишь те албанцы, которые надолго оставляли свою родину, попадали «в турецкую службу» или подолгу жили в турецких городах. Турецкая власть здесь была номинальна: нахии Долно-Дебара не платили никаких налогов и никогда не

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 124.

⁶⁶ Там же. Л. 123 об.

⁶⁷ Сенкевич И.Г. «Новые документы по истории южных славян...». С. 247.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 124.

⁶⁹ Там же. Л. 126.

исполняли рекрутской повинности. Известные беи из Горно-Дебара здесь не имели никакого влияния. «Чем далее на север, тем власть правительственная становится ничтожнее, народонаселение являет в жизни своей черты дикой независимости, и родовые учреждения заодно с древними албанскими нравами охраняются с большей неприкосновенностью»,⁷⁰ – сообщал русский консул.

Хитрово объяснял странную терпимость турецкого правительства по отношению к местному населению тем обстоятельством, что оно понимало, «что при малейшем с его стороны неосторожном посягательстве на уничтожение фактической независимости Дебара, все ее албано-мусульманское народонаселение готово перейти в христианство».⁷¹

Русский консул удостоверял, что «в албанских деревнях Долно-Дебара и Малисии запустелые католические храмы до сих пор стоят неприкосновенными, как будто ожидая возвращения католических проповедников».⁷² Албанцы Долно-Дебара и Малисии легко ладили с соседями на западе – мирдитами, албанцами-католиками, «с которыми их связывало единство языка, нравов и обычаев и одинаковое полунезависимое отношение к турецкому правительству». По мнению Хитрово, постоянное общение с мирдитами-католиками поддерживало в албанцах-мусульманах Долно-Дебара «естественное стремление» «к оставленному, но не забытому вероисповеданию». С мусульманами Кичево, Калканделена (Карканделе, Тетово), Дьякова и Призрена они «не только не общаются, но даже часто находятся в открытой вражде». Хитрово отмечал, что в Долно-Дебаре не было устроено никаких лазаристских миссий, не было ни одного открытого обращения в католицизм, но, тем не менее, на них шло воздействие не столько религиозной, сколько политической «франко-латинской пропаганды», которая имела «неотразимое значение в среде полудикого албанского народонаселения Дебара». «Долно-дебаряне-мусульмане, утрашая турецкое правительство, говорят, что в случае притеснений с его стороны и посягательств на их независимость, они сделаются не только католиками, но даже и французами»,⁷³ – писал Хитрово, подчеркивая смешение ими понятий религии и национальности.

Русский консул объяснял невнимание к этому региону католических миссионеров, столь заботившихся «об обращении

⁷⁰ Там же. Л. 123 об.

⁷¹ Там же. Л. 126.

⁷² Там же. Л. 126 об.

⁷³ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 127.

болгар» и столько жертвовавших «на свои миссионерские учреждения в Турции», лишь незнанием особенностей и потенциальных возможностей Долно-Дебара. Участившиеся поездки сюда европейцев должны были, по его мнению, «рассеять тот мираж неведения, который покрывает до сих пор любопытные этнографические и религиозные особенности народонаселений многих местностей европейской Турции», и тогда «западные католические державы не замедлят усмотреть те выгоды, которые могут они рано или поздно извлечь для себя в восточном вопросе из религиозных особенностей Северной Албании»,⁷⁴ – предупреждал русский дипломат.

Власти Турции осознавали непрочность позиций ислама в этих краях, поэтому в Дебаре встречалось множество странствующих дервишей и всевозможных проповедников веры Мухаммеда. Однако «все эти усилия окончательно отурчить Албанию далеко не достигают цели: исламизм трудно прививается к здешним народностям»,⁷⁵ – считал Хитрово.

Русский консул собрал информацию и о Кичевском округе, где находился монастырь Богородица Пречистая. Этот район сильно отличался в политическом, административном и бытовом планах от Дебарского округа. Кичевский округ составлял особый каза (уезд) под управлением мудира, зависевшего непосредственно от битольского генерал-губернатора. Этот край давно подчинился Танзимату, он управлялся «на общем основании», его население платило подати и отбывало воинскую повинность. Здесь находились 104 христианских и смешанных сел, где числилось 2096 христианских домов. Мусульмане составляли большинство городского населения, в селах проживало довольно много христиан.

Кичевские мусульмане, так же как и горно-дебарские, были славянского происхождения, говорили лишь по-болгарски, но они приняли ислам раньше дебарян, «и он вкоренился в них сильнее».⁷⁶ Кичевские мусульмане так же, как и дебаряне, жили грабежом и насилием, но, по свидетельству Хитрово, не отличались «теми своеобразными древними нравами, которые облагораживают дикость и буйство албано-славяно-мусульманского народонаселения Дебара».⁷⁷ Однако и они не были фанатиками. Русский дипломат отмечал, что отсутствие фанатизма, свойственного мусульманам, объяснялось «не воспоминаниями о недавнем христианстве и не

⁷⁴ Там же. Л. 127 и об.

⁷⁵ Там же. Л. 131.

⁷⁶ Сенкевич И.Г. «Новые документы по истории южных славян...». С. 249.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 144.

особенностями древних, бытовавших учреждений», что он наблюдал у дебарских мусульман, а «влиянием учения секты бекташей, весьма распространенной в Кичевском округе». У села Брод находился знаменитый теке (монастырь) бекташей – Хайдарбаба, который обладал значительными поместьями и славился гостеприимством. «Значение секты бекташей, с каждым днем увеличивающейся и в особенности чрезвычайно распространенной во всей Албании, еще весьма мало оценено»,⁷⁸ – писал Хитрово.

Христиане Кичевского округа, «живя между двойной опасностью – от соседства Дебара и от буйства местных мусульман», были «загнаны, обременены налогами и разными поборами властей». Они «как в нравственном, так и в материальном отношении находятся на жалкой степени упадка»⁷⁹, – констатировал Хитрово. Кичевский и Дебарский округа составляли одну епархию, которая являлась одной из беднейших славянских епархий в Турции. Богослужение здесь шло на церковно-славянском языке. Дебарско-кичевский митрополит, назначаемый из Константинопольской патриархии, имел свою резиденцию в г. Кичево. Но митрополит дебарский высокопреосвященный Геннадий жил практически безвыездно в Битоле. Если в своих первых донесениях Хитрово писал о нем довольно положительно, то после путешествия 1864 г. его мнение о митрополите изменилось. Так, в апреле 1861 г. русский консул следующим образом охарактеризовал его: «Преосвященный Геннадий, человек уже в старческом возрасте, но еще бодрый, простой в обращении, ведущий строгую жизнь, пользуется здесь общим уважением. Он говорит несколько по-русски, кажется, действительно предан России и далеко не противен болгарской национальности». Он являлся, по сообщению русского дипломата, самой популярной личностью не только между христианами, но даже и между турками.⁸⁰ В 1864 г. Хитрово уже писал, что митрополит Геннадий, человек довольно спокойный, «но он грек в душе, нисколько не сочувствует славянскому делу» и «не пользуется любовью паствы». Дебаряне поделились с Хитрово своими намерениями прекратить выплачивать митрополиту установленное содержание в 35 тыс. пиастров и отправить своих представителей в столицу Османской империи в «Константинопольскую болгарскую комиссию»⁸¹ с требованием о

⁷⁸ Там же. Л. 144.

⁷⁹ Там же. Л. 144 об.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 30 об.

⁸¹ Речь идет о Народном болгарском представительстве в Стамбуле, основной задачей которого было решение церковного болгаро-греческого вопроса.

назначении в их вполне славянскую епархию митрополита – болгарина, который бы сочувствовал их национальным и общественным интересам, а не грека, взиравшего «на паству как на свою вотчинную собственность».⁸² Митрополиты-греки не заботились об организации школ в своей епархии, а у немногочисленных христиан после выплат казенных податей и налога в пользу митрополита не оставалось средств на содержание своих сельских школ. Только благодаря монастырям Св. Иоанна Предтечи близ Дебара и Успения Пресвятой Богородицы (Богородицы Пречистой) в Кичевском округе не исчезли грамотные христиане, да и все священники этого региона получили в них образование.

Записка о путешествии Хитрово чрезвычайно ценна статистическими сведениями и его конкретными наблюдениями. Дипломат заметил шедший процесс славянизации у албанцев, которые исповедовали православие, и у живших с ними в тесном соседстве албанцев-мусульман. Во взаимопроникновении культур православного населения и мусульманского мира Хитрово констатировал доминирование славянских обычаев и болгарского языка. Без сомнения, он внимательно изучал регион для того, чтобы на основе полученной информации о его прошлом и настоящем, предугадать его будущее и понять, какую роль он может сыграть в решении Восточного вопроса.

«Инструкция», которая была составлена Хитрово при отбытии в отпуск в январе 1863 г. для секретаря русского консульства Е.М. Тимаева, 22-летнего молодого человека, незадолго до этого прибывшего из Петербурга, также показывает то значение, которое Хитрово придавал Албании «в будущих событиях» Балканского полуострова и которое, по его мнению, «с каждым днем начинает все более и более очерчиваться». «В настоящее время, – указывал русский консул, страна эта так же, как и Фессалия, Эпир и Македония, наводнена эмиссарами разных греческих и итальяно-греческих тайных обществ, старающихся утвердить влияние свое на воинственное население Арнаутлука. За действиями этих агентов и за успехами их беспокойной деятельности, равно как и за оппозицией турецкому правительству, по-видимому, начинающейся в настоящее время независимо обнаруживаться со стороны албанского населения, вы должны будете следить по возможности с неусыпною бдительностью и обо всем до вас доходящем в этом отношении немедленно доносить императорскому министерству и миссии нашей в Константинополе и

⁸² АВПРИ. Ф. 213. Оп. 536. Д. 2. Л. 136.

сообщать вице-консулу нашему в Солуне». ⁸³ Во время своего отпуска Хитрово намеревался представить Азиатскому департаменту МИД России свои соображения о необходимости учреждения дипломатического агентства в Дурресе или Эльбасане. Российское вице-консульство было создано в Призрене, куда был направлен Тимаев.

⁸³ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 2. Л. 522 об.